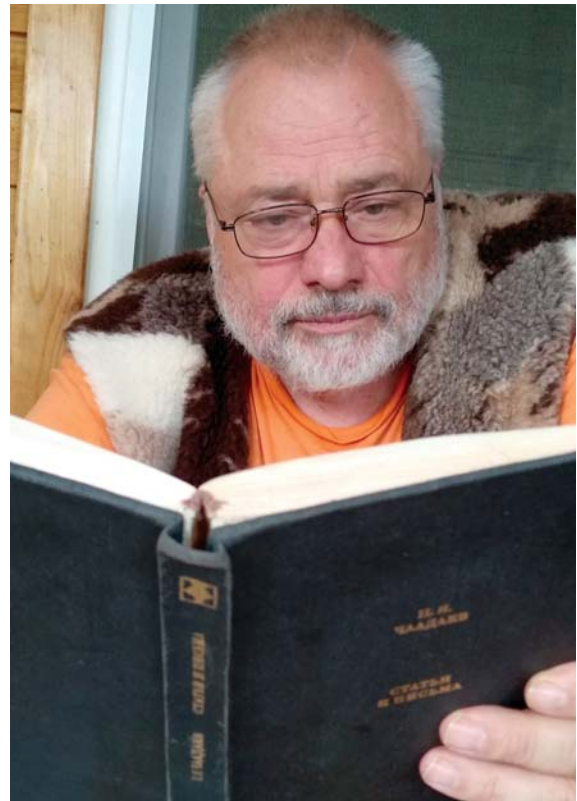

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ VS ФРИДРИХ ШИЛЛЕР: ОТ РОМАНТИЧЕСКОГО РАЗБОЙНИКА К ФЕДЬКЕ КАТОРЖНОМУ

Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215. E-mail: vlkantor@mail.ru

 Аннотация. Почему Достоевский вошел в европейскую литературу как первый среди равных, несмотря на постоянно прокламируемое им неприятие Запада? Отвечая на этот вопрос, автор кладет в основу исследования факт «заимствования» и переработки сюжетов в истории литературы как методологическое основание своего анализа, приводя известные примеры из творчества Шекспира, бравшего чужие сюжеты и на их основе создававшего свои шедевры. Достоевский в своем великом Пятикнижии также опирался на разные сюжеты европейской литературы, переосмысливая их. В центре исследования сравнение текстов Шиллера («Разбойники») и Достоевского («Хозяйка» и «Братья Карамазовы») не только в литературном и интеллектуальном контекстах, но и в связи с существенными переменами в русской культуре 2-й половины XIX века. Автор обращает внимание на читательское восприятие образов Шиллера и Достоевского и показывает, что герой Шиллера — атаман разбойников

Карл Моор — был наделен качествами сильной личности, вроде Робин Гуда, что и влекло читающую молодежь к подражанию этому герою. В «Хозяйке» старик Мурин — разбойник, но и старообрядец, читающий книги. Его страшное прошлое не выказывает благородства и не может вызвать положительных эмоций у читателя. В статье рассматривается внутренняя связь действий старика Мурина с будущим образом и идеей Великого Инквизитора. Реальный каторжный опыт писателя, считает автор, позволил ему показать этого и других персонажей как несущих зло: Федька Каторжный в «Бесах» не различает добро и зло, не имеет совести, легко убивает и легко забывает о смерти убитого им человека. Новым акцентом в статье является сопоставление идеи «возвращения билета» Господу у Шиллера и Достоевского. В известном стихотворении Шиллера «Отречение» слова о «возвращении билета» на вход в рай выражают лирическое alter ego поэта. У Достоевского эти слова отданы Ивану Карамазову, проблемному герою, одному из самых думающих, но не являющемуся выразителем идей самого Достоевского, для которого вера в Бога была центром его миропонимания.

Ключевые слова: Шиллер, «Разбойники», «Отречение», Достоевский, «Хозяйка», «Братья Карамазовы», старообрядцы, вера, Россия, Германия

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Федор Достоевский vs Фридрих Шиллер: от романтического разбойника к Федьке Каторжному // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 11–26.

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-11-26

У нас — русских, — две родины: наша Русь и Европа.

Ф. М. Достоевский

Дневник писателя за 1876 год. Июнь

(Достоевский, 1972–1990: XXIII, 30)

Как известно, Владимир Набоков называл Достоевского самым европейским из всех русских писателей, несмотря на постоянно прокламируемое им неприятие Запада.

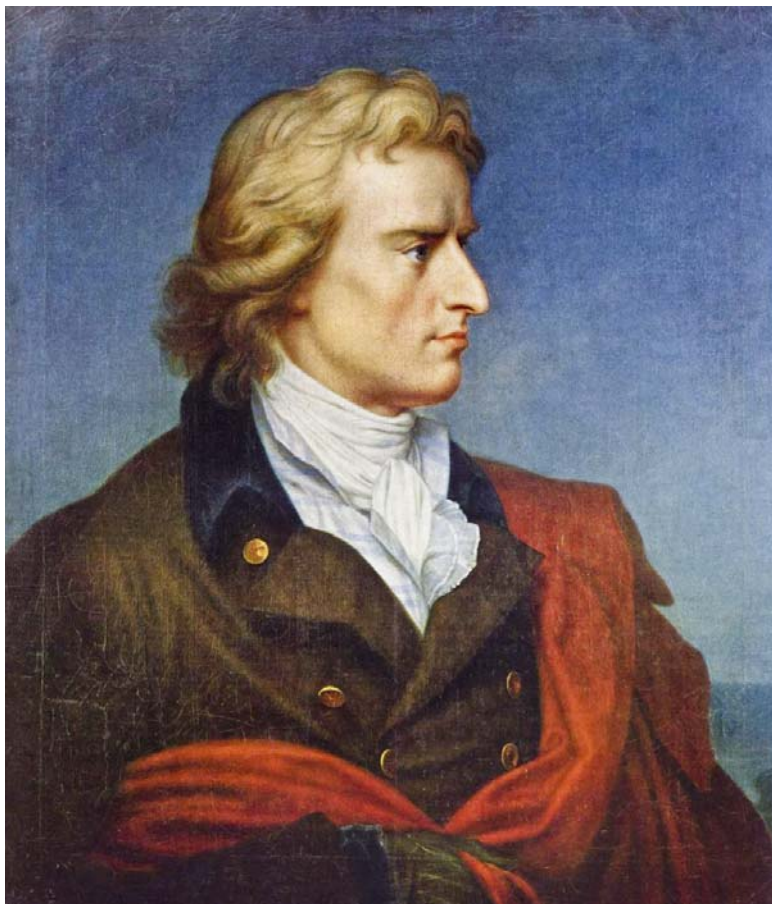
И в самом деле, если мы вспомним его юношескую переписку со старшим братом Михаилом, восторги от Гофмана, Бальзака, Шекспира, Гюго, конечно Шиллера (в которого были влюблены все российские образованные юноши),

Ф. М. Достоевский. Фотопортрет.
Константин Шапиро, 1879

вспомним и то, что последние годы жизни в его кабинете висела копия «Сикстинской мадонны» Рафаэля, под ней он и скончался, то поймем, что европейское начало весьма глубоко укоренилось в его душе. В юности он сочинял роман из венецианской жизни, писал трагедию «Мария Стюарт». Кстати, первая публикация Достоевского — перевод романа Бальзака «Эжени Гранде». При этом европейцы называют Достоевского самым русским, презентировавшим Россию Европе, писателем. Я хотел бы для объяснения этого парадокса предложить один образ — раковины-жемчужницы. В раковину попадает какая-нибудь бусинка, потом происходит некая возгонка, бусинка растет, очевидно, меняет свою структуру и становится жемчужиной.

А бусинок было много. Мое методологическое соображение заключается в очень простой мысли. Как Шекспир брал чужие сюжеты, чтобы на их основе создавать свои шедевры, так и Достоевский в каждом романе из своего великого Пятикнижия опирался на некий сюжет из европейской литературы, почти не скрывая этого. Разумеется, переосмысливая, наполняя российским духом.

Кюгельген Франц Герхард.
Портрет Фридриха Шиллера. 1809–1810.
Франкфурт-на-Майне, Музей Гёте

Попробуем бросить беглый взгляд на эти романы. Начнем с «Преступления и наказания», там не скрываема́я отсылка к «Отцу Горио» Бальзака с темой — убить ничтожество, чтобы осчастливить человечество. В «Идиоте» очевиден «Дон Кихот». В «Бесах» — Шекспир с его принцем Гарри («Генрих IV»). «Под-росток» ориентирован на роман воспитания Гёте (наблюдение И. Н. Лагути-ной), ну а «Братья Карамазовы» и сюжетно, и цитатно пронизаны Шиллером. Сюжет «Разбойников» проговаривается персонажами романа не раз. Как пи-сал Чижевский, «вряд ли какого-либо из западноевропейских поэтов читали в России с таким же воодушевлением и таким энтузиазмом, как Шиллера. История русского “шиллерианства” еще не написана. Но можно с определен-ностью сказать — почти все великие русские поэты и мыслители пережили свой “шиллерианский” период» (Чижевский, 2010: 25). Однако вряд ли кто из русских писателей был настолько пронизан темами и идеями Шиллера, как Достоевский. Чтение это было ранним и продолжалось всю жизнь. Приведу письмо девятнадцатилетнего писателя старшему брату Михаилу (1 января 1840 года): «Ты писал ко мне, брат, что я не читал Шиллера. Ошибаешься, брат!

Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им; и я думаю, что ничего более кстати не сделала судьба в моей жизни, как дала мне узнать великого поэта в такую эпоху моей жизни» (Достоевский, 1972–1990: XXVIII₁, 69).

Эту духовную близость разглядели не сразу. А если и видели, то в контексте увлечений других русских юношей шиллеровской поэзией и шиллеровскими «Разбойниками». Молодежь хотела подражать Карлу Моору. В юношеские годы идеалом Герцена был Карл Моор из шиллеровских «Разбойников». Но ведь Шиллер откровенно изобразил своего героя как настоящего преступника и безумца, убивающего прекрасную девушку, чтобы угодить своей шайке. Не забудем его исповедальное слово, обращенное к Амалии:

Так погибни же, Амалия!.. Умри, отец! Умри в третий раз — из-за меня!.. Твои спасители — разбойники и убийцы! А твой Карл — их атаман! (Ударяясь головой о дуб.) Души тех, кого я придушил во время любовных ласк, кого я поразил во время мирного сна, души тех... Ха-ха-ха! Слышите этот взрыв пороховой башни над постелями рожениц? Видите, как пламя лижет колыбели младенцев? Вот он, твой венчальный факел! Вот она, твоя свадебная музыка! О, Господь ничего не забывает, он умеет все связать воедино.

(Шиллер, 1955–1957: I, 491–492)

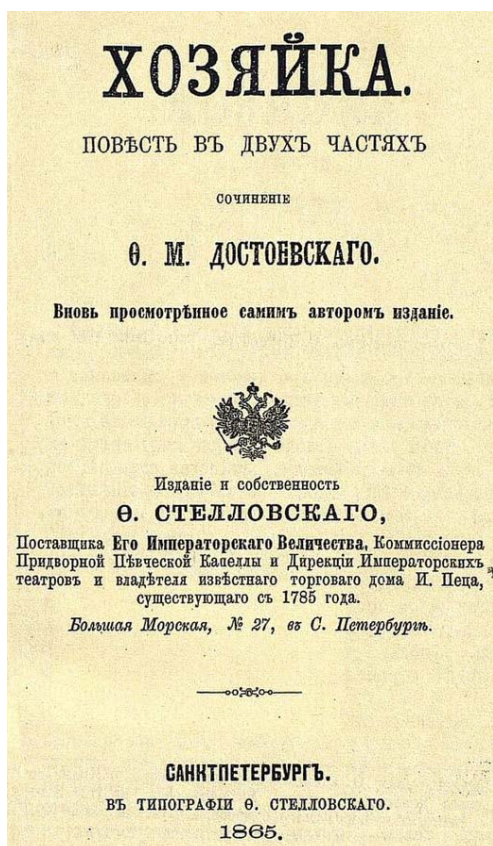
Это очевидное предвестие страшного XX века. В XIX столетии эти слова многим казались литературщиной. Хотя начитавшиеся Шиллера лидеры «Молодой России» уже предлагали вырезать царскую семью и семьи людей, близких к престолу.

Недоучившиеся русские студенты — благодарные читатели Шиллера. О своем друге Кетчере Герцен вспоминал:

Шиллер был необыкновенно по плечу нашему студенту. Поза и Макс, Карл Моор и Фердинанд, студенты, разбойники-студенты — все это протест первого рассвета, первого негодования. Больше деятельный сердцем, чем умом, Кетчер понял, овладел поэтической рефлексией Шиллера, его революционной философией в диалогах, и на них остановился. Он был удовлетворен, критика и скептицизм были для него совершенно чужды.

(Герцен, 1954–1966: IX, 226)

Собственно, прошел через увлечение этим героем и Достоевский, его старший брат Михаил перевел шиллеровских «Разбойников» и «Дон Карлоса». В «Братьях Карамазовых» опасность этой пьесы звучит явно, неслучайно мно-

Титульный лист первого отдельного издания повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка», 1865

гие фразы героев романа напоминают речи шиллеровских злодеев. Радикализм Шиллера писатель отверг, слишком насмотрелся на русских недоучившихся студентов, а потом и на настоящих разбойников на каторге. Интересно, что самого проблемного своего сына, Ивана, старик Карамазов называет «почтительнейшим сыном» — Карлом Моором. Но напомним, что сам Шиллер писал в авторецензии: «Разбойник Моор не вор, а злодей, не подлец, а чудовище» (Шиллер, 1955–1957: I, 758).

Один из крупнейших достоеведов А. Л. Бем назвал Федора Михайловича «гениальным читателем». Бем говорил о невероятно глубоком и подробном чтении Достоевским Гоголя и Пушкина. С этим трудно не согласиться. Но все же реальное понимание этих русских гениев невозможно без европейского контекста. Все сочинения Пушкина пронизаны реминисценциями европейской классики: Данте, Парни, Вольтер, Байрон, Вальтер Скотт и т. д.

Гоголь немного иной. И все же первая опубликованная книга Гоголя «Ганс Кюхельгартен» была из немецкой жизни. Если Пушкин был для Достоевского своего рода фаросом, маяком, то Гоголь давал ему ориентир в мире современной русской литературы. Неслучайно, прибежав к Белинскому с рукописью «Бедных людей», Некрасов и Григорович кричали: «Новый Гоголь явился». Возглас говорящий. Первый роман Достоевского следовал теме гоголевской «Шинели», все художественные повороты докаторжного периода его творчества — от «Двойника» до «Хозяйки» — определялись в значительной мере гоголевскими мотивами. Российские современники писателя эти повороты не принимали. Вот что писал Белинский П. В. Анненкову (15 февраля 1848): «Достоевский написал повесть “Хозяйка”, — ерунда страшная!.. Каждое его новое произведение — новое падение. <...> Надулись же мы, друг мой, с Достоевским-гением!» (Белинский, 1953–1959: XII, 467).

Шли годы, и уже в XX веке «Двойник» был назван прологом, увертюрой к классическому Достоевскому, бесконечно писавшему о двойничестве как проблеме европейского человечества. Но и «Хозяйка» получила новую коннотацию.

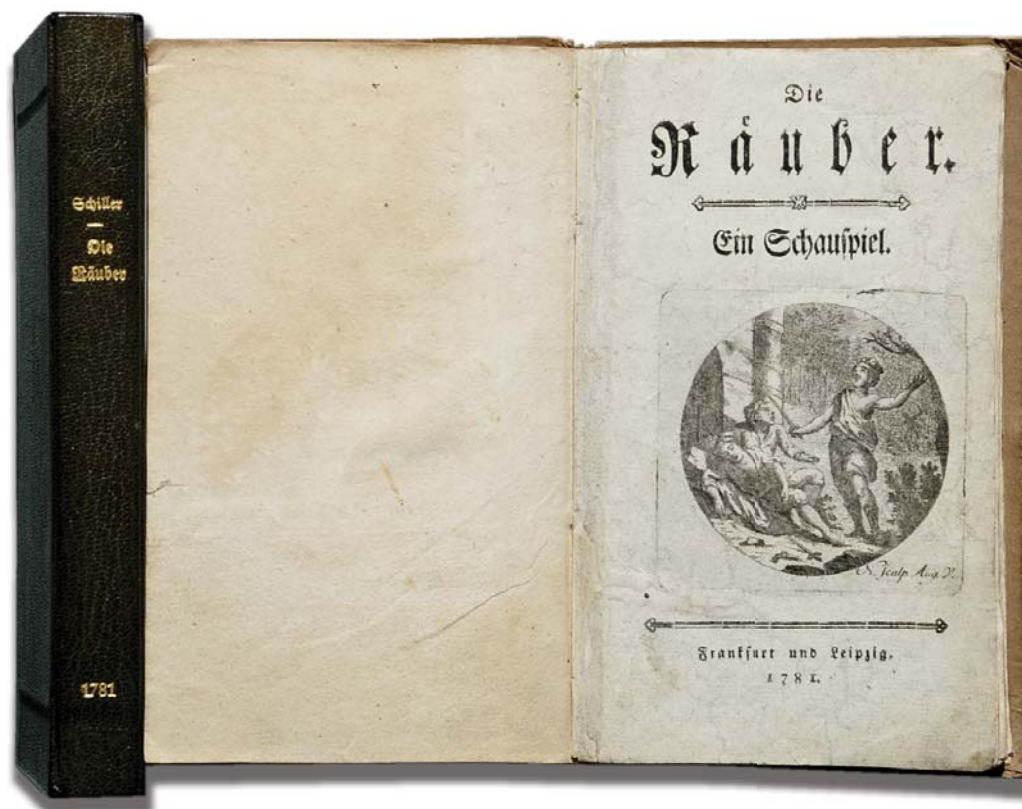
Об этом писал Федор Степун, писал Бем:

Сейчас уже можно считать установленным, что идея Великого Инквизитора в зачаточном виде содержится уже в ранней повести Достоевского «Хозяйка» (1847 г.). Но этот рассказ Достоевского находится в самой непосредственной связи с повестью Гоголя «Страшная Месть». Не буду сейчас здесь повторять оснований, дающих нам право на такое утверждение. Близость двух героинь «Страшной Мести» и «Хозяйки», носящих общее имя Катерины, находится вне всякого сомнения. <...> Что же остановило внимание Достоевского в этом фантастическом рассказе Гоголя? Загадочное порабощение человека человеком, рабство воли и добровольное отдание себя во власть другого — вот проблемы, учуянные Достоевским в истории Катерины из «Страшной Мести». Таинственная власть колдуна-отца над душой дочери показана у Гоголя только символически. <...> Для Достоевского власть Мурина над Катериной объясняется психологией «слабого сердца», особого психического состояния, когда человек готов отдать добровольно свою волю другому только за то, что он берет на себя всю ответственность за него, за право переложить свою вину со своих слабых плеч на плечи другого. С глубоким проникновением в душу человеческую выявил эту черту Достоевский в психологии Катерины. Но ведь здесь в зачаточном виде уже заложено зерно идеи Великого Инквизитора! Старик Мурин, «обрезавший крылья у вольной свободной души», является прямым прообразом Великого Инквизитора. И тогда мы вправе сказать, что в какой-то части своей идея Великого Инквизитора восходит к Гоголю, только не в смысле прямого влияния Гоголя на Достоевского, а в результате его раздумья над намеченной, но не замеченной самим Гоголем загадочной проблемой порабощения воли.

(Бем, 2001: 55–56)

Но все же нельзя гениального читателя привязывать к одному писателю. Ведь Достоевский и Шиллера с детства «вызубрил». А в последний год жизни, 18 августа 1880 года он в письме сообщал своему адресату Н. Л. Озмидову: «Впечатления же прекрасного именно необходимы в детстве. 10-ти лет от роду я видел в Москве представление “Разбойников” Шиллера с Мочаловым, и, уверяю Вас, это сильнейшее впечатление, которое я вынес тогда, подействовало на мою духовную сторону очень плодотворно» (Достоевский, 1972–1990: XXX₁, 212).

Едва ли не впервые (после шекспировского «Короля Лира») прозвучавшие в европейской литературе у Шиллера в «Разбойниках» темы отцеубийства и братоубийства были подхвачены Достоевским (как показали исследователи) в «Братьях Карамазовых». Правда, в этом романе нет разбойников, в нем темой

Титульный лист первого анонимного издания
«Разбойников» Ф. Шиллера. 1781

писателя становится природа зла. Но Шиллера он помнит, более того, великий немец как бы становится его почти соавтором (co-auctor), поддержкой русского гения, или, если быть точнее, опираясь на мотивы, идеи и образы Шиллера, он переосмысливает их. Но об этом чуть позже...

В «Хозяйке» прозвучала тема разбойников. Сюжет несложен: герой повести, покоренный красотой женщины, встреченной им в церкви, сопровождаемой мрачным зловецким стариком, выясняет, где она живет. И снимает комнату «от жильцов», ему сдают одну комнату, в другой живут красавица и старик. Старика — не то мужа, не то атамана разбойников, похитившего «девицу-красу», — зовут Илья Мурин. Судя по обмолвкам героев, когда-то он был любовником матери Катерины, смутно звучит мотив инцеста. Старик пытается подчинить волю Катерины, читая ей изо дня в день божественные книги. Верит ли он сам, мы до конца не понимаем. Вспоминается Кудеяр-разбойник, в котором «совесть господь пробудил». А пробудил ли он совесть у Мурина? Нужно сказать, если сегодняшний читатель не знает, что в житиях святых есть текст об атамане разбойников эфиопе Моисее Мурине (IV в.), который раскаялся и стал святым¹. Фамилию этого святого разбойника писатель дает своему герою,

¹ Книга житий святых. М.: Синодальная типография, 1840.

рассчитывая на образованного читателя. А хозяину дома, с виду богомольному, Достоевский дает жутковатую фамилию Кошмаров. Конечно, некоторый классицизм в именах и фамилиях у Достоевского очевиден. Они говорящие.

Замечу, что в «Житии преподобного отца нашего Моисея Мурина» говорится если не об инцесте, то о греховных помышлениях, которые разжигали его похоть. Пост и покаяние преодолели эти помышления преподобного. Но, возвращаясь к Достоевскому, замечу, что тема сладострастия, звучащая очень ясно в его поздних романах, впервые прозвучала в «Хозяйке». На житие разбойника Мурина легко легли «Разбойники» Шиллера. Только у Достоевского не книжные студенты, как у Шиллера. Русский Мурин — реальный разбойник-старообрядец. Как известно, все бунты, включая пугачевский, возглавлялись и инициировались старообрядцами, желавшими скинуть православную государственную церковь.

Достоевский раньше прочих обратился к теме староверов. Позже Герцен с Бакуниным увидели в них слой народа, способный к социальному протесту, хотели радикальную молодежь объединить со старообрядцами и разбойниками как ударной силой революционного переворота. Разумеется, эти идеи Достоевский не мог не учитывать. И уже в «Преступлении и наказании» он дает герою неслучайную фамилию — Раскольников. «Раскольников, видимо, и впрямь из раскольников. Подтверждается это еще одной характерной приметой: Раскольников — из той же Рязанской губернии, откуда и Миколка. Не случайно же сделал их автор земляками» (Альтман, 1975: 44). Но раскольники оказались не революционерами, а тем слоем независимых русских людей, которые родили русский капитализм (вариант русской протестантской этики). Считается, что около 70% капитала в Российской империи принадлежа-

Преподобный Моисей Мурин.
Фреска. 1547. Монастырь
Дионисиат (Афон)

ло именно старообрядцам. Все русские меценаты рубежа веков (Третьяковы, Солдатёнковы, Елисеевы, Морозовы, Рябушинские, Мамонтовы, Гучковы, Бахрушины), поддержавшие новую русскую культуру, — все это старообрядцы, раскольники. Напомню, что мать Родиона Романовича вспоминает друга его отца — купца А. Вахрушина (без сомнения Бахрушина). Как говорится в истории русских родов, Бахрушины происходят из купцов города Зарайска Рязанской губернии, откуда и семья Родиона Раскольникова.

Но Достоевский не оставляет тему богомольных разбойников. В конце повести мы узнаем, что в доме, где жил герой, накрыли притон, а богомольный хозяин дома был «начальник всей шайки их, коновод». Конечно, это нечто противоположное «Разбойникам» Шиллера, где пастор Мозер — один из немногих положительных персонажей. Это русский вариант, без прикрас. И все же исследователи твердо говорят о близости двух гениев — немецкого и русского. К тому много причин. Я постараюсь выделить важнейшие, а пока процитирую Томаса Манна, давшего, на мой взгляд, весьма точный социокультурный анализ этой близости:

То обстоятельство, что Шиллер и Достоевский были людьми больными и потому не смогли дожить до почтенной старости, как Гете и Толстой, представляется нам не случайным. Наоборот, нам кажется, что это обстоятельство коренится в самой их индивидуальности. Такой же символический характер носит и другой, чисто внешний факт, а именно то, что оба великих реалиста, творцы пластических образов, были аристократы и занимали от рождения привилегированное социальное положение, тогда как герои и мученики идеи, Шиллер и Достоевский, принадлежали к совсем иному кругу: один был сыном швабского фельдшера, а другой — московского госпитального врача, оба вышли из мелкого люда и прожили свою жизнь в стесненных, скудных и, можно даже сказать, унижительных условиях. Я называю этот биографический факт символическим, потому что в нем проявляется *христианство духа*, царство которого, как гласит писание, «не от мира сего» и которое, как в личном, так и в идейном и художественном отношении, на веки вечные противостоит царству природы и ее любимцев <...>.

(Манн, 1960: 533–534)

Дом Шиллера — это классический бюргерский дом, дом небогатого семейства. Когда я был в Марбахе, разумеется, я посетил дом Шиллера. Поразительно, но мне показалось, что это декорации для «Коварства и любви» (“*Kabale und Liebe*”), дом Луизы Миллер. Достоевский вырос в более бедной обста-

новке, его отец, штаб-лекарь, получил квартиру при Мариинской больнице для бедных, состоявшую из двух комнат, кухни и передней.

Оба были из разночинцев, но бедность, а потом каторга и нищета Достоевского — это то, что, слава Богу, не коснулось Шиллера. Но на каторге русский писатель увидел не романтических, а реальных разбойников, убивавших за копейку, жестоких от природы. Мурин, несмотря на его, видимо, ушкуйное прошлое, перестал злодействовать. Не говорю о Раскольникове, это нетипичный разбойник, хотя из старообрядцев. Но вот в «Бесах» по-

Дом Ф. Шиллера в Марбахе

является реальный каторжник, которых Достоевский нагляделся в «мертвом доме». Это Федька Каторжный, умный, ловкий, для которого убийство как бы норма жизни. Замечу, что Федька не просто каторжный, но из крепостных, то есть из того слоя людей, от которого, по словам Достоевского, он сызнова вернул веру. А Федька убил церковного сторожа и ограбил церковь и очень простодушно, безо всякой рефлексии рассказывает о своем поступке: «Я <...> помолиться спервоначалу зашел-с <...>. Да как завел меня туда Господь, <...> — эх, благодать небесная, думаю! По сиротству моему произошло это дело, так как в

Главный корпус Мариинской больницы. Построен в 1803–1805 годах по проекту И. Д. Жилярди. Фотография. 1890–1900. Москва, архив Центра историко-градостроительных исследований (ЦИГИ)

нашей судьбе нельзя без вспомоществования» (Достоевский, 1972–1990: X, 220). То есть веры нет, или она чисто внешняя, *по привычке зашел помолиться*. Это, конечно, не романтический Мурин. Это поразительная способность писателя возражать самому себе, в романах видеть другой народ, нежели в своей публицистике.

Но вернемся к Шиллеру. Почти в самом начале вершинного романа писателя старик Карамазов явно подсказывает читателю контекст, в котором надо рассматривать его героев:

Божественный и святейший старец! — вскричал он, указывая на Ивана Федоровича. — Это мой сын, плоть от плоти моя, любимейшая плоть моя! Это мой почтительнейший, так сказать, Карл Мор, а вот этот сейчас вошедший сын, Дмитрий Федорович, и против которого у вас управы ищут, — это уж непочтительнейший Франц Мор, — оба из «Разбойников» Шиллера, а я, я сам в таком случае уж *Regierender Graf von Moor!*² Рассудите и спасите!

(Там же: XIV, 66)

Как мы знаем, эта отсылка к Шиллеру уводила от реальной расстановки сил: Митя не был Францем, а Иван — Карлом, было еще два брата — инок Алеша и лакей Смердяков. И расклад был много сложнее, чем у Шиллера. Отцеубийство было совершено Смердяковым, но каждый из братьев несет свою долю ответственности за это. Любопытно, что не интеллеktуал Митя наизусть цитирует Шиллера — из «Элевзинского праздника» (в переводе В. Жуковского) и из «Оды к радости» в переводе Тютчева:

Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы хаос развила
И в пространствах, звездочету
Неподвластных, разлила.

У груди благой природы,
Всё, что дышит, радость пьет;

² Владетельный граф фон Моор! (нем.)

Все созданы, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье,
Гроздий сок, венки харит,
Насекомым — сладострастье...
Ангел — богу предстоит.

(Там же: 99)

Ангела он видит в Алеше, а в себе, в отце — сладострастное насекомое. Куда отнести Ивана, он не знает. Иван — загадка, как говорят герои романа. Иван произносит слова, которые без конца цитируют интеллектуалы, пережившие катаклизмы XX века, что они не Бога не принимают, а мира, Им созданного. И билет свой на вход в рай почтительно возвращают. Но далеко не все знают, что это прозаическая перефразировка строк Шиллера из стихотворения «Отречение». Напомню эти строчки в переводе Н. К. Чуковского:

О, Вечность жуткая, стою, вздыхаю
У входа твоего.
Свидетельство на счастье я вручаю,
Его тебе я целым возвращаю,
О счастье я не ведал ничего.

(Шиллер, 1955–1957: I, 146)

Степун писал:

Кто из занимающихся русскими религиозными вопросами не задумывался да и не писал о признании Ивана Карамазова, что он не Бога отрицает, а лишь созданный им мир не принимает, почему и возвращает почтительно свой входной билет в него, но лишь Чижевский заметил, что такой же протест встречается и в стихотворении Шиллера «Resignation». Как и Иван Карамазов, так и поэт Шиллера не принимает Божьего мира и с ужасом возвращает, правда, не Богу, но праматери Вечности нераспечатанным данное ему письмо на вход в мир. Это только случайный пример. Таких открытий в работах Чижевского бесконечное множество.

(Степун, 1964: 5)

Чижевский наблюдателен и умен. Умен и Степун. Но они пропустили мимо сознания важное обстоятельство, что у Шиллера говорит лирический

герой, а у Достоевского — весьма проблемный, которому не дано выразить конечную позицию автора. Ибо у Достоевского вера в Бога была центром его миропонимания. Это опора для преодоления русским гением установок великого немецкого поэта.

Стоит вспомнить любимую Достоевским невероятной красоты московскую церковь Успения Пресвятой Богородицы на Покровке (так называемое нарышкинское барокко), построенную на средства московского купца И. М. Сверчкова архитектором П. Потаповым и разрушенную советскими бесами в 1936 году. Христианская красота и была основой его творчества.

Джакомо Кваренги. Церковь Успения Пресвятой Богородицы на Покровке. Рисунок, ок. 1800

Литература

Альтман, 1975 — *Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен.* Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. 280 с.

Белинский, 1953–1959 — *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.* М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953–1959. 13 т.

Бем, 2001 — *Бем А. Л. Достоевский — гениальный читатель // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе.* М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 35–57.

Герцен, 1954–1966 — *Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т.* М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1966. 30 т.

Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т.* Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. 30 т.

Манн, 1960 — *Манн Томас. Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма // Манн Томас. Собр. соч.: в 10 т.* М.: ГИХЛ, 1960. Т. 9. С. 487–606.

Степун, 1964 — *Степун Ф. Дмитрий Иванович Чижевский // Русская мысль.* 1964, 7 июля. № 2174.

Чижевский, 2010 — *Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования.* СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 16–57.

Шиллер, 1955–1957 — *Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т.* М.: ГИХЛ, 1955–1957. 7 т.

© Кантор В. К., 2021

FYODOR DOSTOEVSKY VS FRIEDRICH SCHILLER:
FROM ROMANTIC ROBBER TO FEDKA THE CONVICT

Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue. Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”.

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: vlkantor@mail.ru

Abstract. The article raises the question why Dostoevsky entered European literature as the first among equals, despite his constant rejection of the West. The author bases his research on the fact of “borrowing” and processing plots in the history of literature as a methodological basis for his analysis, citing well-known examples from the works of Shakespeare, who took other people’s plots and created his masterpieces on their basis. Dostoevsky, in his great Pentateuch, also relied on various plots of European literature, rethinking them. The research focuses on a comparison of the texts of Schiller (“The Robbers”) and Dostoevsky (“The Landlady” and “The Karamazov Brothers”), not only in literary and intellectual contexts, but also in connection with significant changes in Russian culture in the second half of 19th century. The author draws attention to the reader’s perception of the images of Schiller and Dostoevsky and shows that Schiller’s hero — the ataman of robbers Karl Moor — was endowed with the qualities of a strong personality, like Robin Hood, which attracted the reading youth to imitate this hero. In “The Landlady”, old Murin is a robber, but also an old believer who reads books. His terrible past does not show nobility and cannot cause positive emotions in the reader. The article examines the internal connection between the actions of old man Murin and the future image and idea of the Grand Inquisitor. The author believes that the writer’s real convict experience allowed him to depict Murin and other characters as carrying the evil: Fedka the Convict in “Demons” does not distinguish between good and evil, has no conscience, easily kills and easily forgets about the death of the person he killed. The new emphasis in the article is the comparison of the idea of “returning the ticket” to the Lord by Schiller and Dostoevsky. In Schiller’s famous poem “Resignation”, the words about “returning the ticket” to the entrance to paradise express the poet’s lyrical alter ego. Dostoevsky gives these words to Ivan Karamazov, who is not the spokesman for the ideas of the writer, for whom faith in God was the center of his world outlook.

Keywords: Schiller, “The Robbers”, “Resignation”, Dostoevsky, “The Landlady”, “The Karamazov Brothers”, old believers, faith, Russia, Germany

For citation: Kantor, V.K., 2021. ‘Fyodor Dostoevsky vs Friedrich Schiller: from Romantic Robber to Fedka the Convict’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(2), pp. 11–26. (In Russ.)

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-11-26

References

Al'tman, M.S., 1975. *Dostoevskii. Po vekham imen* [Dostoevsky. By names milestones]. Saratov: Saratov State University Publ.

Belinskii, V.G., 1953–1959. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow: The USSR Academy of Sciences Publ.

Bem, A.L., 2001. ‘Dostoevskii — genial’nyi chitatel’ [‘Dostoevsky is a genius reader’], in Bem, A.L., *Issledovaniya. Pis'ma o literature* [Researches. Letters about Literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., pp. 35–57.

Gertsen, A.I., 1954–1966. *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Collected Works: in 30 vols]. Moscow: The USSR Academy of Sciences Publ.

Dostoevskii, F.M., 1972–1990. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ.

Mann, Tomas, 1960. ‘Gete i Tolstoi. Fragmenty k probleme gumanizma’ [‘Goethe and Tolstoy. Fragments to the problem of humanism’], in Mann, Tomas, *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 9* [Collected Works: in 10 vols. Vol. 9]. Moscow: GIKhL Publ., pp. 487–606.

Stepun, F., 1964. ‘Dmitrii Ivanovich Chizhevskii’ [‘Dmitry Ivanovich Chizhevsky’], *Russkaya mysl'*, 7 July.

Chizhevskii, D.I., 2010. ‘Shiller i “Brat'ya Karamazovy” [‘Schiller and “The Brothers Karamazov”’], in *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya. Tom 19* [Dostoevsky. Materials and researches. Vol. 19]. St. Petersburg: Nauka Publ, pp. 16–57.

Shiller, F., 1955–1957. *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [Collected Works: in 7 vols]. Moscow: GIKhL Publ.

Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE).